

Прежде

1

ПЯТНИЦА, 9 СЕНТЯБРЯ

— Мы с Хью... — говорю я, — мы решили сделать перерыв.

— В смысле, такой перерыв, как на обед в забегаловке? — Маура возводит глаза к потолку. — Или такой, как в песне Рианны?¹

— Ну...

Она стискивает в руках сумочку.

— Перерыв, как в забегаловке, да?

— Нет, скорее...

— Как в песне Рианны? Ты, должно быть, *смеешься* надо мной.

Потому что Рианне... сколько? Двадцать два? А тебе...

— Не двадцать два, — перебиваю я, прежде чем она успевает озвучить мой возраст.

Сама не знаю, как это произошло, но, кажется, мне уже сорок четыре. Совершенно ясно, что я упустила этот факт из виду, и теперь, хоть и с небольшим опозданием, пытаюсь держать в секрете все, что с ним связано. Это не страх перед приближающейся смертью и, наверное, не страх перед неизбежными морщинами. Дело в том, что я работаю пиар-агентом, а это именно та сфера, где ты всегда должен быть свеж и молод, куда более молод, чем люди вокруг.

Именно поэтому я стараюсь не упоминать о своем возрасте, то есть я не упоминаю о нем *никогда*, надеясь, что если остальные не узнают о нем, то я останусь вечно молодой. (Я жалею лишь

¹ Имеется в виду песня поп-исполнительницы Рианны «Break It Off», название которой буквально означает «разорвать (отношения)», но при этом является эвфемизмом для секса. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

о том, что не придумала эту фишку, когда мне было двадцать семь. Да что я знала в свои двадцать семь...)

— Я твоя сестра, — говорит Маура. — Я на семь лет старше тебя, а мне сейчас пятьдесят один, так что...

— Да, да, конечно, — тараторю я очень-очень быстро, чтобы не позволить ей закончить фразу. — Конечно, конечно, конечно.

Маура никогда не переживала по поводу своего возраста. Сколько я ее помню, она больше напоминала папину сестру-близнеца, чем старшего ребенка в семье.

— Значит, это «перерыв», на время которого Хью отправится... куда?

— В Юго-Восточную Азию.

— Серьезно? А потом что?

— А потом вернется домой.

— Ага, или не вернется.

Это была худшая идея в мире — сообщить последние новости Мауре, но она умеет вытягивать из людей правду даже против их воли. (Именно поэтому мы называем ее Допросчиком.) Она отлично чувствует неладное. Если со мной что-то происходит, она через пару дней обязательно окажется в курсе.

Я рассчитывала, что все будет в порядке, если я продолжу как ни в чем не бывало отвечать на ее звонки, но, судя по всему, дурацкая черная полоса в моей жизни неизбежно вела вот к этому разговору. Оставалось вопросом времени, когда на пороге моего офиса появится Маура и откажется уходить, пока не узнает все от и до.

— Слушай, пока ничего не известно наверняка, — слабо сопротивляюсь я. — Не может же он уйти навсегда.

Потому что он действительно не может.

— А ты не позволишь ему уйти, — заявляет она. — Просто скажи ему: «Ты не уйдешь». И все, закончили разговор.

Если бы это было так легко! Она не читала письмо Хью, она не знает, сколько муки в нем было. Позволить ему уехать — это лучший способ спасти наш брак. Наверное.

— Это как-то связано с тем, что его отец умер?

Я киваю. Его отец умер одиннадцать месяцев назад, и это здорово подкосило Хью.

— Я думала, нужно лишь дать ему время, и все вернется на круги своя.

— Но ничто не вернулось. Как раз наоборот. — Она повышает голос. — Что за взрывная семейка! Когда уже закончится эта драма? Черт, как будто бесконечная игра в «Убей сурка»¹.

Я уже тысячу раз видела Мауру в ярости, так что и теперь она меня не пугает.

— Почему у одного все взлетает до небес именно тогда, когда у другого начинается черная полоса? Что вы за сплошное стихийное бедствие?

Она говорит обо мне и моих близких, но, если честно, это не совсем так.

Ну, я имею в виду, что у нас дела не хуже, чем в остальных семьях. Может быть, все протекает чуть более бурно, но в целом наша семья вполне нормальная, правда.

— Думаю, это моя вина, — утверждает она. — Неужели я такой плохой пример для подражания?

— О да!

Говоря по правде, она худший пример для подражания из ныне живущих людей, но я не хочу ее расстраивать. По-моему, она, наоборот, заслуживает сочувствия.

— Ты такая жестокая! — говорит она. — Ты пытаешься быть маленькой девочкой, чья мать месяцами лежит в больнице с туберкулезом, который никак не поддается излечению. Маленькой девочкой, у которой четыре младших брата и сестры, ни на секунду не прекращающих плакать, и огромный холодный дом, разваливающийся на глазах, а еще отец, который со всем этим не справляется. — На самом деле она имеет в виду себя. — Да, у меня развито чувство ответственности, но...

Я знаю эту речь наизусть и могу произнести ее вслед за ней слово в слово, но заткнуть Мауру, когда она на пике эмоций, почти невозможно. (Мы с братьями и сестрами любим шутить, что у ее мужа ЭНУ — Этого Несчастливого Ублюдка — развилась локальная мутация практически сразу же после свадьбы, потому что никто не слышал, чтобы он сказал хоть слово за последние

¹ «Убей сурка» (*Whac-A-Mole*) — популярная японская аркадная игра. Смысл в том, чтобы успеть попасть мягким молотком по голове игрушечного сурка, показывающего голову в одной из нор, которых на поверхности обычно от четырех и больше. (*Примеч. пер.*)

лет двадцать. Мы уверены, что все фразы, которые он когда-либо произносил, заканчивались на весьма неуверенном «Могу я?..»)

— К чему все это? — спрашиваю я, прерывая ее гневную тираду. — Я не сделала ничего плохого.

— Да, — соглашается она. — Но это пока!

— О чем ты говоришь?

Она выглядит удивленной.

— Если твой муж делает «перерыв» в вашем браке, — она выразительно изображает кавычки, — это значит, что у тебя тоже, — кавычки становятся еще более выразительными, — «перерыв»?

Чтобы переварить ее слова, мне требуется какое-то время. Затем, к моему изумлению, во мне зарождается робкая надежда на то, что после пяти очень тяжелых дней я наконец-то испытаю благотворное облегчение. В моей душе все еще трепещет этот крошечный лучик света.

Я медленно произношу:

— Исходя из твоей интонации, я полагаю, что да.

2

Теперь, получив то, за чем приехала, Маура собирает свои вещи: плотный коричневый портфель и непромокаемую куртку.

— Пожалуйста, Маура, — прошу я, — *не рассказывай* остальным.

— Но они — твоя семья! — Ей удается заставить безобидную фразу звучать как проклятие. — И Хью не сможет приехать на наш традиционный пятничный ужин, впервые за много лет. Они поймут: что-то произошло.

— Я серьезно, Маура. Девочки еще ни о чем не знают и не должны узнать через испорченный телефон. — Я запинаясь, задумавшись, говорят ли так сейчас — «испорченный телефон». Лучше не рисковать. — Я не хочу, чтобы эта новость дошла к ним в виде глупых сплетен.

Которые будут не такими красочными, как мои объяснения.

— То есть ты даже Дерри не рассказала? — удивленно спрашивает Маура.

Дерри — наша общая сестра, и, пусть она на пятнадцать месяцев старше меня, мы с ней довольно близки.

— Слушай, пока ничего эдакого не произошло. Он еще никуда не делся.

Впервые за время разговора на ее лице появляется сочувствие.

— Ты просто в фазе отрицания.

— Скорее я просто в шоке, — признаюсь я. — Наверное.

Но, помимо шока, есть еще стыд, страх, сожаление, вина и, да, отрицание — весь этот коктейль непрерывно смешивается во мне.

— Ты в порядке? Справишься с сегодняшним ужином?

— Ага.

Пятничный ужин в доме родителей — это традиция, которой уже больше десятка лет. Мама не настолько активна, чтобы каждую неделю посещать всех членов нашей большой семьи, которая неуклонно растет. Мои родные братья и сестры, их дети, их супруги и бывшие супруги (о да, последний писк современности — это как раз о нас) — словом, мы все приезжаем к ним на ужин.

— Как по-твоему, много народу явится на этот раз? — спрашиваю я.

У семьи О'Коннеллов есть такое свойство — количество ее членов может быть каким угодно. Каждую пятницу оно меняется в ту или иную сторону, отрицается и подтверждается, добавляется и вычитается, и обязательно будет один человек, который, не сомневайтесь, весьма удивит вас своим присутствием. Но, сколько бы нас ни набиралось, всегда проще угодить большинству. Не дай бог на столе закончится еда прежде, чем каждый насытится: вы запомните этот момент навсегда.

— Я, — начинает перечислять Маура, отставляя пальцы. — Ты. Очевидно, без Хью...

Так, с меня хватит.

Тихий стук в дверь отвлекает нас. Тами просовывает голову внутрь.

— У вас встреча в пять, — сообщает она.

— Тебе пора уходить, — говорю я Мауре. — У меня сейчас встреча.

— В пятницу днем? — поднимает она брови. — Кто вообще назначает встречи на пятницу? Кто-то, у кого проблемы в семейной жизни, да?

— О боже! — восклицаю я. — Выметайся.

«Хотч», маленькое агентство, третью которого руковожу я, занимается пиаром во всех его проявлениях, включая имидж-менеджмент. Мы реабилитируем политиков, спортсменов, актеров и любых других публичных личностей с подмоченной репутацией.

Раньше дело ограничивалось лишь скандалами из-за сексуальных связей, но время идет, и теперь у вас есть возможность опозориться, проявив себя расистом. Из-за этого вы даже можете вполне заслуженно потерять работу. Сексизм, возрастная дискриминация и прочее — все это в современном мире приравнивается к издевательствам, краже мелких предметов (вспомните, как Путин стащил ручку) или парковке в неподобающем месте, если вы являетесь официальным лицом.

Конечно, публичный позор теперь тоже выглядит иначе. Когда-то все знаменитости ужасно боялись оказаться на первой странице воскресной газеты. Но в современном мире за событиями можно следить, глядя в свой мобильный, поэтому страх распространяется, подобно вирусу.

— Я что, даже не получу никакого сувенирчика? — спрашивает Маура, пока мы с Тами подталкиваем ее к главному входу.

— Подари ей штаны для недержания, — говорю я Тами.

Фирма «ЭверДрай» — один из наших крупнейших клиентов, и, как это ни печально, именно недержание мочи и кала — один из основных факторов ее роста.

— Вот, значит, как, — вздыхает Маура. — Недержание мне не грозит. У вас тут что, ни одной шоколадки не завалилось? О, привет, Аластар...

Аластар только успел вернуться из Лондона, поэтому выглядит особенно впечатляюще в своем дорогом костюме и белоснежной рубашке. Его серебристые глаза останавливаются на Мауре, а затем он дарит ей улыбку. Выглядит это *жалко*.

— Здравствуй, Маура, — произносит он низким интимным голосом.

— Здравствуй, — крикает она в ответ, предательски дав петуха.

— Хочешь шоколадку? — говорит Аластар. — Держи...

«Хотч» представляет целую линию шоколадных фабрик, и это довольно утомительно, ведь образцы поставляют непосредственно в офис — иногда это бывает очень некстати.

Аластар берет коробку конфет из шкафа и пару скрабов для тела, изготовленных из дерна (уж это я *знаю*). Из вредности я добавляю к ним упаковку штанов для страдающих недержанием.

Тами тащит мою сестру к лестнице, чтобы она не столкнулась с миссис «ЭверДрай», поднимающейся в лифте. Тами — просто находка: рожденная в Бразилии, она отвечает у нас за ресепшен, харизму и внутренний отдел продаж. Все в одном очаровательном флаконе. Даже самых сложных клиентов она может убедить заплатить, никогда не обижается на просьбу сделать кофе и, в отличие от всех своих предшественников, не страдает слабоумием. Весьма недурственно. (Теперь я переживаю, что употребила слово «слабоумие», как все эти любители унижать друг друга в «Твиттере». Реабилитация оплеванных людей учит тебя подмечать такие вещи.)

Мы с Аластаром снова заходим в маленький конференц-зал, в котором Маура только что выпытывала у меня секреты личной жизни. (Залы в «Хотче» маленькие, потому что именно такие мы и можем себе позволить. Чтобы окончательно прояснить ситуацию, добавлю, что два дня в неделю я работаю в Лондоне, где мы вообще не можем позволить себе аренду служебного помещения.)

Времени на то, чтобы привести волосы в порядок, совсем нет, поэтому я спрашиваю Аластара:

— Как я выгляжу?

Когда люди слышат, что я работаю в компании, занимающейся общественными отношениями, они обычно весьма удивляются. Женщины-пиарщицы — это, как правило, высокие и стройные блондинки в белых костюмах с юбками в объёмку, на высоких каблуках, без необъятного целлюлита, с ледяными улыбками и холодным очарованием. Но тут всех ждет неприятный сюрприз, потому что я — невысокого роста, со склонной к полноте фигурой, за которой мне нужно следить пристальнее ястреба, хотя я, конечно, забываю об этом. И примерно так же я хороша в своей работе.

— Когда ты взьерошенная, ты обычно весьма обаятельна, — говорит Аластар. — Выглядишь очень мило. Но... — он поправляет мой воротничок, — может быть, сегодня ты как-то уж *слишком* неопрятна?

Я отодвигаю его руку. Он может зайти слишком далеко и слишком запросто, когда дело касается прикосновений к женщинам. Но тем не менее мое платье действительно все в складках, а внутреннее

смятение никогда не должно отражаться на внешнем виде. Мозг судорожно ищет способы хоть как-то его улучшить. Но, стоит посмотреть на мой рабочий костюм, сам собой напрашивается вывод: нужно начать с банальной глажки.

Похоронив отчаянную надежду, я размышляю, какое же чудо может произойти с моими волосами. Может, остричь их дюймов на шесть? Но с тем же успехом я могу себя закопать, ведь волосы — один из немногих моих козырей. Да, может быть, они слишком тонкие и, если верить журнальным статьям, слишком длинные для женщины сорока лет, но ничего более гламурного во мне нет.

А что насчет их цвета? Неужели уже пора переходить от темно-каштанового к чему-то более приличному в этом возрасте?

Мой парикмахер прочитал мне очередную лекцию на тему того, как блекнет пигментация женской кожи по мере старения.

— Останешься с темными волосами, и все скажут, что ты похожа на человека, которого забальзамировали заживо, — заявил он.

— Знаю я, что «все» скажут, — ответила я. — Прекрасно знаю, Ловатт. Но в этом случае «все» ошибаются. Я — исключение. Урод, если такое определение тебе понятнее.

Ему понятнее не стало. Он сжал губы в тонкую полоску и в наказание уложил мои волосы в стиле, более подходящем пожилой матери семейства.

— Есть планы на выходные? — спрашивает Аластар.

Я думаю о том, что Хью собирается уезжать. О том, что нужно обо всем рассказать девочкам. О том, что это напоминает конец моего существования. И пожимаю плечами.

— Ничего особенного. А у тебя?

— У меня курсы. — Он выглядит смущенным.

— Еще одна попытка узнать все секреты счастливой жизни за сорок восемь часов? Аластар, — произношу я беспомощным тоном, — ты ищешь то, чего не существует.

Он посвящает один уик-энд в месяц активному исцелению травм детства, или кризиса среднего возраста, или чего-то еще, но пока что это не помогает.

— Я раскрою тебе секрет счастья, — говорю я. — Пей столько, сколько влезет. Займись шопингом. И, если не выгорит ни с первым, ни со вторым, падай в постель, обложись пончиками и проведи так все выходные. Как, по-твоему, все мы боремся со стрессом?